
М. В. ИГОЛКИН

ВЛАСТЬ И МЕНЕДЖМЕНТ

В статье рассматриваются актуальные проблемы социального управления. Автор проводит демаркационную линию между понятиями «правление», «управление», «руководство» и «менеджмент». Много внимания в статье уделено вопросам управления в современной России.

Ключевые слова: менеджмент, управление, руководство, власть, эффективная власть, технологический детерминизм.

Управленческая деятельность России «обросла» ныне массой новаций и новомодных терминов, таких как «менеджмент», «менеджер», «топ-менеджер». Но из-за отсутствия правильного методологического подхода к организации управления часто не дается даже внятного определения границ ответственности, что исключает возможность нормальной деятельности. Например, после теракта в аэропорту Домодедово министр транспорта РФ не смог «вспомнить», кто является собственником аэропорта, и срочно вызвать его по требованию президента РФ, хотя международный аэропорт – не торговая палатка, а предприятие, определяющее лицо города и страны, и контроль над ним – отнюдь не второстепенный пункт компетенции министра транспорта.

В качестве идеологии обеспечения эффективности бизнеса и приспособления его к меняющимся условиям капитал с 1930–1940-х гг. XX в. выдвигает менеджеризм. Часто его называют «революцией» в отношении собственности на средства производства и в управлении им: сначала – деперсонификация собственника путем акционирования, а затем и передача управленческих функций по обеспечению конкурентоспособности и прибыльности бизнеса особому слою наемных работников соответствующей квалификации. Это «разделение труда» дало большой рост прибыли и оплаты труда работающих, особенно (кратно!) менеджеров, что вызвало восторг буржуазии перед «революцией управляющих». Однако по-

Философия и общество, № 1, январь – март 2013 69–85

казав рост эффективности при передаче им буржуазией своих прав на владение и пользование средствами производства, эта «революция» со всей очевидностью продемонстрировала и отсутствие функциональной необходимости в буржуа для обеспечения хода производства. Что это, если не самоотрицание капитала в рамках капитализма? Сделавшись ненужной для производства, буржуазия оставила за собой функцию распоряжения капиталом, что позволило ей сохранить привилегии.

К чести и заслугам авторов теорий стадийного толкования истории они смогли оперативно вклиниться в изучение нарастающих проблем урбанизации (свободное время, качество жизни и труда, экологические угрозы, новые социальные болезни, миграционные волны и т. д.), что позволило капиталу приспособиться к новым условиям и самосохраниться ценой минимально необходимых социальных уступок. Однако эта теория остановилась на уровне постиндустриального «информационного общества» 1980-х гг. (Д. Белл, Ё. Масуда, Р. Дарендорф, Ф. Фукуяма и др.). У многих авторов все дело стало сводиться к потребительской, товарно-вещной, информационно-коммуникационной сущности одномерного «экономического» человека, игрока-индивида в глобальном рыночном пространстве. В связи с гипертрофированным ростом сферы услуг (особенно в развитых западных странах) и увеличением числа занятых в ней до 60–70 %, обрастанием ее менеджерами, дизайнерами, адвокатами, работниками рекламы и т. д. появились вспомогательные теории, рассматривающие жизнедеятельность общества как **производство и потребление бесконечных услуг**. Сформировалась и соответствующая система ценностей, подталкивающая людей к действиям, зачастую противоречащим их социальным интересам.

Финансово-валютный кризис 2006–2008 гг. вместе с эгоистическим поведением и несогласованностью действий ведущих стран («спасайся, кто как может!»), утратой дуполярности мира и абсолютным доминированием «полюса силы» похоронили бытовавшие в кругах прогрессивных ученых и деятелей надежды на конвергенцию, на «третий путь» развития, на обеспечение равноправия стран, а также вызвали замешательство управленцев во всех сферах деятельности.

Такое положение не могло не вызвать стремления большинства стран к снижению давления на них со стороны «полюса силы», к отстаиванию национальных интересов.

Это имеет прямое отношение и к России. Стало очевидным, что мера открытости России для глобализаторов и ее участия в решении мировых проблем должна определяться исходя из задач внутреннего социального прогресса и сохранения своей независимости; упорное копирование евроатлантических образцов и схем может лишь ухудшить и без того очень сложное, по сути критическое, положение постсоветской России; для его улучшения требуется последовательное отстаивание национальных интересов в процессе межгосударственного общения, а также строгий контроль над всеми управленческими и коммерческими структурами, которые по соображениям корыстной выгоды или в погоне за конкурентоспособностью и прибыльностью зачастую пренебрегают законностью и государственными интересами, создавая благоприятную почву для коррупции.

Эффективное решение этих задач предполагает правильное понимание и применение таких смежных понятий, как «правление», «управление», «руководство», «менеджмент» и т. д.

Актуальность вопроса о терминологии в сфере субъект-объектных отношений управления связана с реальным разнобоем в трактовках, наблюдаемых в практическом обиходе, включая ошибочное отождествление власти и управления. Глобализация и виртуализация еще больше усиливают этот разнобой. Налицо засорение языкового пространства иностранными словами-прикрытиями, которые воспринимаются как безобидное звукосочетание, но в действительности скрывают порой зловещий смысл (как, например, слово «киллер», реальный смысл которого – наемный профессиональный убийца). Это «импортозамещение» в современном деловом и бытовом языке России привело к установлению некоего языкового минимума в общении, то есть к обеднению русского языка и культуры управления; низкий языковой уровень в СМИ, ГД, СФ и т. д. лишь способствует закреплению этого иноязычного нашествия. Даже в тексте Конституции РФ нет терминологической строгости, что приводит к размытости определений. Так, компетенция Президента РФ в целом определена таким образом, что он правит и руко-

водит Россией, но сходные функции возложены также на премьер-министра и на главу администрации президента. Да и реально наблюдается явное дублирование функций аппаратов, порождающее неурядицы, бюрократизм и безответственность.

Характеризуя понятия «правление», «править», В. Даль отмечал: «Правление самодержавное, советное или соборное, народное. Правление мудрое, кроткое, бедственное»¹. Слово «править» – по В. Далю – означает «управлять, распоряжаться, начальствовать, повелевать, давать направление, направлять, руководить»². И плохо, когда «царь правит, как медведь в лесу дуги гнет: гнет – не парит, переломит – не тужит»³, то есть правит на авось, не зная свойств предмета, этапов работы (пропарить, размягчить древесину, а потом – гнуть).

В английском языке сходное понятие «manage» расшифровывается как: 1) управлять, заведовать; 2) справляться, уметь обращаться; 3) ухитряться. Носитель этих функций «manager» – это: 1) руководитель, заведующий, директор, управляющий; 2) хозяин, хозяйка – тот, кто умеет вести хозяйство, хозяйствовать⁴.

Как видим, толкование этих сложных вопросов наряду с общим содержанием имеет существенные различия. Вот почему следует критически относиться к слишком расширенному толкованию менеджмента в сотнях публикаций, отождествляющих его с управлением. Поэтому речь идет не об отказе от менеджмента как такового, а об опасности его избыточности и угрозе менеджизма.

В практике закрепилось, что термин «правление» дает общее определение функции правящего субъекта по обеспечению необходимой направленности действий объекта управления. Сходное значение имеет понятие «руководство». Это видно на примере конструкций «правлящая партия» и «партия – руководящая сила общества». Можно заметить лишь то различие, что понятие «править» применяется преимущественно в отношении высших должностных лиц и органов страны, а понятие «руководить» – в отношении глав-

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб.; М., 1880–1882. – Т. 3. – С. 378.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Англо-русский словарь / под ред. О. С. Ахмановой, Е. А. М. Уилсон. – Изд. 28. – М.: Русский язык, 1981. – С. 337.

ных должностных лиц, находящихся на последующих этапах иерархии, а также в отношении собственников (в плане распоряжения принадлежащим им имуществом). В целом можно считать, что задача и правителей, и руководителей – внесение концептуальной определенности в деятельность своего объекта как целеполагание в политике.

Функция управления – определение задач объекта управления для реализации действующей концепции, иных законных интересов и уставных задач, а также мобилизация объекта на их реализацию. Управление конкретными делами в рамках общей концепции правления осуществляет *топ-менеджер* (в англосаксонской деловой традиции) – высший из сонма функциональных менеджеров.

В советской системе власти функции правления, руководства и управления вначале были достаточно строго разделены по субъектам. Мобилизационная обстановка и необходимость срочной модернизации экономики при скудных ресурсах в начале XX в. подтолкнули руководство страны к максимальной централизации – концентрации руководства в одних руках, а Великая Отечественная война вынудила предельно сконцентрировать и управление по отраслям, вплоть до военизации директората. Система правления, руководства и управления заработала как единый аппарат, замкнутый на Сталине.

По мере послевоенного восстановления народного хозяйства восстанавливалось и разделение функций правления, руководства и управления. Но каждая из этих сфер усилила процесс обзаведения своими аппаратами, нередко дублировавшими работу друг друга, перегружая жизненный и особенно производственный и творческо-поисковый процессы.

Пришедшие к власти реформаторы-рыночники либерального толка без осмысления того, что является достижениями советского периода, а что – ошибками, искажениями, принялись оплевывать, крушить все подряд и даже устами своего очередного глашатая Д. Медведева объявили «десталинизацию» «идеологией государства». Между тем устройство ими правления, руководства и управления мало отличается от прежнего, их аппарат, по словам Г. Бурбулеса, на 75 % был заимствован из прежнего, произошло лишь утrocение вспомогательных служб и непрерывно обновляемое оснаще-

ние их западной компьютерно-информационной техникой, а также технологией наблюдения, контроля и сопровождения хода дел.

Отягощенный, как признал Д. Медведев, «системой коррупции», госаппарат стал переходить, по выражению А. Алексахенко, к бюджету «лукавых цифр», к хитроумным комбинациям с федеральными доходами – расходами и т. д. в рамках одиозного финансово-спекулятивного менеджизма, чтобы сохранить симбиоз власти и капитала и завершить криминальный «обратный переход» в подчинение капиталу Запада, до 2000 г. рекламировавшийся под «реформы» с обещанием уровня Бразилии, затем – Португалии, но остановившийся на «стабилизации» неравенства, на новых обещаниях – «модернизации», «инновационной экономики» и т. д. Поэтому все стали определять прихоти, эмоции, страсти, воля или безволие лидеров, а если и появлялось разумное и правдивое слово, оно оставалось «гласом вопиющего в пустыне». Пышно расцвела набившая оскомину апологетика бестолковых «реформ», релятивизма, всякого абсурда и нравственной вседозволенности, подобострастное толкование безадресных и бесполезных посланий президента «обществу в целом», так похожее на поиски «исторического значения» речей генсеков на съездах КПСС при абсолютном замалчивании серьезных ошибок и вопиющих провалов в экономике и политике. Причем апологеты либерализма сами же и признают заблокированность для оппозиции всех подступов к властному Олимпу, в силу чего правящая партия оказывается вне конкуренции, а высшее руководство – неподконтрольным даже правящей партии.

Таким образом, речь идет о грубых ошибках и провалах руководства России в результате принятия им решений без надлежащего анализа и оценки всех их последствий, что недопустимо. Центральная власть, имея дело с большой и сложной системой, не может уповать только на свой обыденный опыт, обычно называемый «здравым смыслом», а обязана тщательно учитывать закономерности функционирования объекта управления и всех его частей в их взаимосвязи и развитии, то есть действовать с позиций научного подхода к этому сверхсложному объекту управления – обществу.

Ныне ТНК стремятся взять реванш и внутри западных стран – урезать социальные уступки, которые трудящиеся отвоевали

у буржуазии в то время, когда существовал СССР как живой пример высокого уровня социальной обеспеченности людей труда. Теперь капитал стал сворачивать социальные программы, в целом ужесточил отношение к труду, прибегнув к игнорированию массовых выступлений, применению изошренного насилия в сочетании с законодательным безразличием и исключением недовольных из правового поля, к усилению давления на труд средствами массовой информации, которые выдают указанные меры за доказательство наличия и величия западной демократии. Однако правящие элиты Запада во многом учли уроки истории и довольно продуктивно создают и используют механизмы для сохранения господства капитала без доведения обстановки в обществе до социальных взрывов – ценой осуществления минимально необходимых уступок трудящимся. С этой целью Б. Обама, А. Меркель и др. стараются ограничивать аппетиты финансовой олигархии, топ-менеджеров, спекулянтов-посредников и вводить дополнительные функции государственного регулирования.

В нашей стране правящая элита смотрит на это иначе. Она постоянно обещает стабилизацию, но вместо жизненно необходимого усиления государственного контроля и регулирования резко сокращает список стратегически важных предприятий госсектора, приватизируя эти «лишние» предприятия по заниженным ценам. И это в условиях беспрецедентной коррупции, при отсутствии надежных механизмов контроля над доходами и уплатой налогов, при постоянной политике снижения государственных расходов на социальные нужды и при так и не достигнутом уровне жизни до реформенных 90-х гг.!

Очевидно, говоря о «стабилизации», подразумевают консервацию бедности и нужды большинства, как по существу, так и по всем международным стандартам качества жизни. Это подтверждают многие объективные социологи, экономисты и политологи, указывающие на необходимость срочного 3–4-кратного повышения доходов абсолютного большинства (80 %) населения – как для решения проблемы бедности, так и для создания нормального рынка внутреннего потребления, а значит, и для обеспечения условий роста реальной экономики страны.

Наряду с крайне низким уровнем доходов другой бич абсолютного большинства населения России – недоступность и постоянное повышение цен на самые необходимые продукты и услуги при полном безразличии властей. Стремясь достичь предела покупательской способности среднестатистического потребителя, бизнес непрерывно экспериментирует на всей массе потребителей, постоянно повышая цены по принципу «повышать, пока продается», что больше всего бьет по малоимущим, то есть по основной массе населения России.

В особенно бедственном положении оказалось село. Засуха 2010 г. «раздела догола» агропром и лесное хозяйство. В результате недостатка кормов фермерам пришлось досрочно забить часть скота. И в целом жизнеобеспечение сельского населения повисло в воздухе: потребкооперация давно развалена, а «торговые сети» не появились; цены на продукты в 1,5 раза выше, чем в областных центрах; мониторинг цен властями не ведется, инфляция в расчете доходов не учитывается. Выживая, как в войну, за счет натурального хозяйства, селяне непосредственно почувствовали утрату «рыночной» Россией продовольственной независимости.

Продовольственный менеджизм не учитывает особенностей агродела в России как в самой северной земледельческой стране, где извечно существовало чередование урожайных и скудных лет, и навязывает ложные пути разрешения ситуации: введение частной собственности на сельхозземли и формирование рынка этих земель (хотя в практике «сытых» стран давно применяется только аренда земель для сельхозпроизводства), что создает предпосылки для спекуляции землей вместо работы на ней; дезинтеграция производства, хранения и переработки сельхозсырья и лизинга сельхозтехники вместо общегосударственного рынка продуктов с договорными ценами, как в США и других странах, что приводит к распылению скудных ресурсов агропрома между сотнями коммерческих посреднических организаций и неконтролируемому росту цен на сельхозпродукты; некорректность сравнительной оценки эффективности нашего сельхозпроизводства с зарубежным на основе сравнения только собственных затрат сельхозпроизводителей, что из-за несопоставимости инвестиций государства в агропром в нашей стране и в США, а также в ЕС (не в нашу пользу) и из-за игно-

рирования различий в природных условиях приводит к серьезному занижению эффективности российского сельского хозяйства и вызывает пренебрежение в России собственным сельхозпроизводством – подобно тому, как президент Союза предприятий мясной отрасли А. Быканов выступил за приоритетность для рынка датской свинины, поскольку ее себестоимость 100 р. за кг, а нашей – 200. (Таков на деле чисто рыночный менеджмент при попустительстве властей, очарованных формулой «на рынке все есть, он все отрегулирует».)

Кроме вышесказанного нужно иметь в виду, что даже в рамках «образцовых», «адаптирующихся» гигантских корпораций, где менеджизм как образ руководства и управления пронизал все технологические, социально-рыночные и даже семейные отношения работников («фирма-семья» в Японии), задействовав их мотивации на «сопроцветание» фирмы, семьи и государства, он оказался действенным лишь до определенной меры удовлетворения потребностей рыночно-товарного ряда, но обнаружил полное бессилие в обеспечении потребностей духовно-нравственного развития и гражданского самоутверждения, игнорирование которых делало бесполезными самые изощренные новшества менеджизма типа «стимул – реакция – деятельность». При сносном долговременном благосостоянии работников, имеющих в рыночной корзине, казалось бы, все, особенно остро проявляется проблема «личного счастья». Менеджмент Японии столкнулся с этим в конце 1990-х гг., когда выяснилось, что решить эту проблему капитализм не может, поскольку она в принципе неразрешима в рамках рыночного урбанизированного «человека». Необходим переход к «очеловеченному обществу» (по Марксу) или к «онаученному обществу» немецких демократов 1880-х гг. – коммунистической общине «равенства в свободе и свободы в равенстве» на основе уже имеющихся материально-вещных и организационных предпосылок для планомерного развития человечества на его более высокой – ноосферной организации и оптимизации суперсистемы «природа – социо-, экосистемы – этносоциогенез». Неслучайно ученые, политики, бизнесмены, теологи и служители культов с 1970-х гг. XX в. обсуждают эту тему, причем идеи ноосферизма доминируют, и все более актуализируется переход от функционального менеджизма к институциональному, к научной организации управления.

Осмысление проблем сохранения естественной среды обитания и уменьшения конфликтов в борьбе за ресурсы обнаруживает недостаточность и опасность засилья технократического менеджизма по причине начинающегося истощения рыночных мотиваций и самого потребительства как образа жизни. Поэтому представляется неуместной агитация на тему универсальности и «незаменимости» конкуренции и рынка. Особенно если учесть, что и конкуренция, и рынок в чистом виде прекратили свое существование с наступлением эпохи монополизации и с созданием руководящего капиталистического интернационала в виде его «партсобраний» в Давосе, на форумах «Семерки» и «Двадцатки», в штаб-квартирах МВФ, МОТ, МБ, НАТО и медиахолдингов.

Напрашивается серьезный вопрос: а что же дальше? Дальше надо понять, что главные методологические основания менеджизма, а значит, и он сам, перестают быть основаниями эффективной практики.

Первое основание – технологический детерминизм, когда главной детерминантой социально-экономических и иных изменений в обществе считают развитие технологической системы производства, в соответствии с изменениями которой, по Тоффлеру, изменяются социо- и инфосферы, влияющие на сферу власти и психосферу общества. Это значит, что категория «технология» ставится в один ряд с категориями «культура», «цивилизация», «прогресс» и полностью определяет их содержание.

Однако критическое осмысление столь резкого расширения роли и значения технологических детерминант в осуществлении задач социально-экономического и социокультурного развития вскрывает опасность такого подхода. В противовес ему философская и социологическая мысль (Маркузе, Адорно, Эллюль, Хоркхаймер и др.) акцентирует внимание на негативных последствиях технологического детерминизма. Как считает Эллюль, технологический детерминизм превращает средства в цель, стандартизирует поведение, интересы, склонности людей, превращая тем самым человека в объект бездуховных «калькуляций и манипуляций», что вызывает кризис мотивации труда, подобный тому, с которым столкнулась Япония.

Теоретики и практики все более сознают необходимость преодоления узких рамок технологического детерминизма и использования иных схем социального развития, позволяющих решить задачу гуманизации техники и ориентации ее на раскрепощение человека. Однако менеджмент в основном продолжает искать решение проблем эффективности бизнеса по старым схемам, в силу чего вкладывает средства в технологическое оснащение, рекламу, расширение штата и повышение зарплат топ-менеджеров, специалистов по логистике, психотерапевтов (но чем их больше, тем больше энтропия в управлении и больше нужда в каком-то суперменеджере), часто даже не пытаясь проследить влияние на труд социально-ценностных факторов.

Это и понятно, поскольку обращение к социальной стороне дела ставит проблему перехода в другое формационное устройство, применения иного измерения всего сущего, а это означает коренное изменение политики. Боятся даже небольших сдвигов в сторону социализации капитала и усиления вмешательства государства в экономику. Открещиваются от простых и понятных принципов, применяемых в эпоху либеральной глобализации Беларуси («конкуренция везде, где возможно, государственное регулирование – там, где необходимо»), которые означают курс на социальное государство, его независимость и прогресс. Но одновременно это означает и непринятие технологического детерминизма как основополагающего принципа, по причине чего правоверные либералы-рыночники развернули травлю руководства и охаивание политики Беларуси ради ее рыночного поглощения.

Между тем в «рыночной» постсоветской России, кормящейся сельхозпродуктами из Беларуси (почти на 50 % по молочным продуктам), иная детерминация управленческих решений: по форме – супертехническая, технологическая, по сути – антисоциальная.

Так, ради якобы ускорения экономического роста в 2003 г. ведомство Г. Грефа запустило схему технического регулирования с использованием технических регламентов вместо «тормозящих» ГОСТов. А что в итоге? Ускоренная фальсификация товаров от мясо-молочных продуктов, алкоголя и напитков (включая минеральные воды) до хлеба насущного, до одежды и нижнего белья с иностранными этикетками и крайне низким качеством. Насколько «уско-

рили» – молчат, тем более что Г. Греф «перешел на другие корма», а нашумевшие регламенты упрощены отраслевыми бизнес-структурами, низведены до уровня пустой формальности. Вместо минимум десяти требований по качеству, предъявлявшихся в СССР, оставлены три. Социальные потери (испорченное настроение людей, нервные расстройства и болезни), как видно, никого не волнуют.

Еще более показательным является решение проблем личной, семейной безопасности в условиях неуправляемости и невиданного ранее разгула преступности. В виде ответа предлагаются металлические (и даже бронированные) двери, зарешеченные окна, видеонаблюдение, охранные сигнализации, телохранители, ЧОПы, но все это лишь усиливает страх и взаимоотчужденность людей, их самоизоляцию. Не учитывают, что, как показала практика многих веков «жизни враздробь», гигантский криминальный накат в стране является производным от характера общественных отношений, от того, насколько гуманен и справедлив господствующий в массе образ жизни, формируемый всей обстановкой и прежде всего – политикой власти, прямо влияющей на характер «обработки людей людьми». Поэтому одолеть криминал одними сколь угодно сложными техническими средствами невозможно, технико-технологический подход оказывается бессильным. Зато, как показывает опыт «раннего социализма», даже несовершенные, материально плохо обеспеченные опыты общинно-коллективистских форм жизни значительно гасят это социальное зло.

Приведем еще один пример. С приходом в Москву нового мэра технодетерминисты принялись за решение проблемы транспортных пробок техническими средствами. Предлагают строить новые, все более дорогие транспортные кольца, изменить въезды и выезды на МКАДе и т. п. Но никто из них, видимо, не желает знать о социальных нормативах, стандартах градостроительства, включая число автомобилей на 100 жителей, емкости и интервалы движения средств массового общественного транспорта. Между тем уже в 1980-х гг. в СССР велась разработка указанных нормативов. Хотя это и было бы отступлением от идеологии и привычек технодетерминистов, стоило бы вспомнить об указанных наработках, изучить их и приспособить к нынешним условиям, тем более что власти уже

обратились к народу с просьбой предлагать решения этой «рукотворной» проблемы. Очевидно, что наибольший эффект способны дать именно те предложения, которые не находятся в русле технологического детерминизма в силу его ограниченности.

Второе основание – использование финансово-ростовщической методологии в управленческих решениях. Пример применения такой методологии – памятное решение о «монетизации льгот», являющее собой образец полного выхолащивания их социальной сущности. Сопrotивление этому голому менеджеризму «эффективности» использования бюджета (за счет неэквивалентной монетизации льгот) частично сбавило пыл инициаторов решения, да и персоналии-раздражители (Зурабов, Греф) были изъяты из публичного госменеджмента и «упрятаны» в другие кресла. Однако льготники так и продолжают бегать за справками по монетарным льготам, а линия на «эффективность» бюджета поставила под удар еще и расходы на оплату больничных листов за счет уменьшения числа дней, на которые Минздравом РФ разрешено производить их оформление.

Последнее детище финансово-спекулятивного государственного менеджмента – игры вокруг госбюджета 2011 г. с дефицитом в 6,8 трлн рублей, то есть выше терпимых значений по стандартам стран Запада (3–3,5 %). Объективные ученые оценивают его как скрытый от налогоплательщиков «общак» элит, представленных во власти. В самом деле, если Россия покупает облигации МВФ, финансирует программы помощи «бедным» странам Евросоюза и банкам-банкротам, а потом списывает их задолженности на десятки миллиардов долларов (хотя, по сути, сама стала банкротом), это значит, что правящая элита, принимающая такие решения, обслуживает чуждые своей стране интересы. То есть ее интересы лежат **за пределами** своей («этой») страны, туда же выводятся и средства, управление которыми попало в ее руки. Подтверждает это и прислужническая линия поведения «наших» представителей на встречах в Давосе, в МВФ, ЕС... В результате Россия стала зависимой, повязанной кратно превосходящим ее золотовалютными ресурсами Западом. Об этом, анализируя ситуацию с бюджетом 2011 г., прямо говорили и говорят известные экономисты С. Алексашенко, В. Ивантер, В. Сенчагов, А. Спартак, В. Симонов и др.

Но самонадеянность госслужащих и ограниченность придворных топ-менеджеров практически исключает возможность того, что они пожелают услышать голос даже столь квалифицированных экспертов, – несмотря на поучительный пример топ-менеджера мирового масштаба А. Гринспена, самонадеянность которого обошлась США многослойными кризисами и потерей триллионов долларов на спасение банковской системы, запутавшейся в инвестиционно-кредитной политике и надувании «мыльных пузырей» с завышением курса акций, нулевой ипотекой.

«Россия обязательно возродится!» – провозглашал Ельцин, организовавший уничтожение ведущих госкорпораций во всех отраслях, равных по мощности и научно-технологической эффективности соответствующим ТНК западных стран, и за бесценно раздавший гигантские добывающие предприятия, металлургию, машиностроение, энергетику, сельскую экономику, строительство, транспорт, социальную экономику и т. д. Преемники Ельцина выдвинули новый лозунг: «Россия, вперед!» (что странно слышать из уст тех, кто тянет ее назад), но, получив груз растущих организационно-технологических и социальных проблем при абсолютной товарной зависимости от рыночных, спекулятивно-финансовых игр хозяев «новой экономики», сами бросились в ее дебри, опираясь на все убывающие ранее созданные ресурсы. Но поскольку и силы, и опыт несопоставимо малы в сравнении с тем, чем располагают «партнеры», постольку природные ресурсы и финансы России стали объектом экспансии глобальной рыночно-финансовой системы.

Третье основание – индетерминизм «догоняющего» развития. Став объектом эксплуатации, постсоветская Россия пошла по пути копирования, импортирования школ, кадров западного менеджмента. И это дополнительно движет ее к пропасти, поскольку ввозимый опыт уже изжил себя, что доказывает порожденный им новый тип кризисов (системный кризис 2006–2008 гг.), отчего все рыночные гиганты ищут новые методы управления, обращаясь к интегральному программно-целевому планированию развития.

Однако в России ореол всеисилия менеджеризма, ставшего уже весьма затратным, все еще довлеет в действиях рыночников-монетаристов. Плоды этих заблуждений выявляются как неувязанность «инструментария», технологий и мотиваций в финансовой,

банковской, кредитной, налоговой, социальной политике, политике образования и т. д. Поэтому заслуживает большого сожаления, что и дуумвират опускается до уровня рядового менеджмента, подтверждая свою «компетентность» статистикой названных выше сфер политики, хотя там «свои инструменты», как у А. Кудрина свои отчеты в определении сумм госдолга.

Между тем накопившиеся социально-экономические, этнокультурные проблемы страны, регионов, как и вопросы, касающиеся судеб людей, «верхи» в Кремле и Белом доме переадресовывают **местным властям**. Волей президента по-барски великодушно им разрешается самим определять размеры социальных компенсаций, льгот малоимущим. **А деньги-то в основном в руках центральной власти!**

Даже катастрофы типа случившихся на Саяно-Шушенской ГЭС, шахте «Распадская», в станице Куцевской, на транспорте и т. п. власти сводят только к ошибкам топ-менеджеров без анализа общего состояния дел в стране, то есть без учета результатов работы **институциональной** сферы руководства и управления. И если Б. Обама борется с финансовыми воротилами ради уменьшения издержек системного кризиса для основной массы населения, то наш дуумвират занят «стабильностью банков», а коренные интересы всего населения он отдал на благоусмотрение «мест», где правят бал не законы, а нехватки и произвол. Бедность возводят в ранг стимула к самоутверждению, к «успеху», «загоняя» всех в малый бизнес. При этом чиновников, действующих зачастую как паханы «на зоне», ни возрождение экономики, ни рост цен, ни развал общественного здравоохранения и образования, ни обеспечение хотя бы минимального уровня социальной справедливости не волнует.

Не волнует их и тотальное падение качества продукции вследствие отмены ГОСТов и введения вместо них разного рода технических условий и регламентов, что на порядок ухудшило потребительские свойства товаров и услуг, стало причиной массы аварий, вплоть до падения спутников. Соответственно зарубежные партнеры, уловившие эти глупости российского менеджмента, ввозят в Россию что попало. Словом, наблюдается все что угодно, кроме разумной политики государства по увязке в **целостную систему** действий различных хозяйствующих субъектов, которые в отсутст-

вие регулирующих действий государства все более наращивают энтропию.

Четвертое основание – иллюзия всеислия и благотворности рынка. До сих пор руководители государства вслед за А. Чубайсом все еще надеются, что «рынок все рассудит, все расставит по своим местам». Соответственно их институциональная политика лишена осмысленной, выверенной доктрины и стратегии развития. Будучи в силу этого беспомощными перед реальными проблемами общества, они отгородились от него, наглухо закрыв все каналы реальной обратной связи. Любое обращение к ним для принятия решения спускают вниз, пока оно «по принадлежности» не попадет «на рассмотрение» тем, чьи действия обжалуются, хотя законом это **прямо запрещено**. И такая чехарда идет как на высшем, так и на всех остальных уровнях пирамиды власти. Получается, что если чиновник действительно что-то нарушил, то, подобно офицерской вдове, должен сам себя высечь. Абсурд? Конечно. Но иначе и быть не может, поскольку пока в основе утвердившейся у нас «демократии» – полная безответственность всех, кто при власти.

Блеск и нищета «рыночной экономики», потребление в долг, бюджетные игры на нефтегазовых долларах – все это доказывает неспособность нынешних правителей к проведению политики инновационного развития страны. Одновременная поддержка ими процессов формирования манипулятивно-предметного сознания масс как подосновы управления поведением, несомненно, подтверждает стремление правящей элиты не к демократии, а к тотальному доминированию в обществе, реализуемому также и непосредственно – через культивирование менеджеризма и разрастающуюся армию чиновников.

Незавидное экономическое, геополитическое, этнокультурное положение России, поставившее ее на грань выживания, вынуждает власть принимать хоть какие-то меры для корректировки ошибочного «либерального» проекта, для обеспечения прозрачности владения собственностью с правом государства на запрет крупных сделок через офшоры, фиктивные фирмы посредников, а также для повышения скудных затрат на образование, науку, социэкономику, оборону и т. д. с целью приглушить явное неудовлетворение в массах действиями власти и бизнеса «этой страны».

Однако все эти мероприятия не опираются на методологию научной организации управления обществом, поэтому они имеют паллиативный характер и не обеспечивают целостности управленческого процесса.

Только на основе научного подхода к управлению, при доминировании институционального (а не функционального, как ныне) менеджмента можно будет охватить во взаимной связи экономические, демографические, этнонациональные факторы в геополитическом, страновом и региональном аспектах с обеспечением слаженного действия контролирующих, информационных и коммуникационных структур, которые бы непрерывно, своевременно и достоверно давали необходимые для принятия решений данные о социально-экономических, экологических, духовно-нравственных и прочих показателях, характеризующих объективное состояние и направленность изменений в стране.

Такой менеджмент неизбежно тяготеет к комплексному, межсистемному (то есть научному) управлению и к полной интегральной системе планирования развития общества. Уникальность опыта СССР состоит как раз в наличии массы разработок по созданию такой системы планирования и руководства, в частности вычленения доминирующей роли институциональных органов руководства и обеспечения сочетания общего, регионального и местного интересов методом магистрального программно-целевого планирования.

С конца 1980-х гг. задачу расширения горизонта планирования уже ставят и «образцовые» (по Тоффлеру) адаптирующиеся корпорации. Да и мир в целом созревает для применения соответствующих новым реалиям форм управления, дабы остановить хаос межгосударственных, межэтнических конфликтов, толкающих всех в пропасть. Пора бы уже и нам **как должно** оценить данную ситуацию и подойти к ее разрешению. Вот уж действительно уместно в данном случае реализовать клич «Россия, вперед!».